

В.Г. Федотова

СОЦИОЛОГ ПРОТЯГИВАЕТ РУКУ ФИЛОСОФУ

Предложена методология, учитывающая наличие радикальных ценностных изменений в истории человечества. Вводятся понятия о первой (1885–1914) и второй (1990 по настоящее время) глобализациях, о трех великих трансформациях общества. Первая трансформация в ценностном плане — становление либеральной современности. Первая мировая война создает кризис, завершающийся второй великой трансформацией — переходом к ценностям организованной современности. Новый социальный и когнитивный кризис, начавшийся в конце 1960-х, создает переходную эпоху, завершающуюся в 1990-е началом третьей великой трансформации — развитием по пути капитализма России, других посткоммунистических стран и азиатского региона. Это третья современность с ее новыми ценностями, обусловленная императивами вновь начавшейся глобализации. Рассматриваются кризисы переходных эпох и роль конвенций в формировании присущих трем типам современности ценностям.

Ключевые слова:

Key words:

Резкие социальные трансформации в мире последних десятилетий произвели серьезные изменения в общественном сознании, отрицая многие незыблемые представления совсем недавнего времени. Философы уделяют серьезное внимание ценностным изменениям. Так, В.С. Степин в концепции техногенной цивилизации эксплицитировал ряд ее ценностных представлений и задался вопросом о том, могут ли проблемы настоящего времени быть преодолены в рамках этих ценностей или они должны и будут меняться (Степин 2000: 7–29). По существу, речь идет о смене социокодов культуры и механизмах этой смены.

Ускользящая социальность

Над всеми размышлениями о ценностях в философии незримо витает дух их объективности и целесообразности, предзаданности и следствия законосообразной эволюции. Проследить преемственность философских теорий по данному вопросу весьма нелегко.

Если заняться «философоведением» или социологией социальной философии, то мы, пожалуй, встанем перед совсем иными задачами, чем социальная философия: учением о ее эволюции, смене идей в результате социальных изменений, конкуренции сообществ, образования сетей и связей между социальными философами. Различие социальной философии и социологии социальной философии будет примерно таким же, как между физикой и историей физики, которая включает в себя и анализ социальных условий формирования познавательного аппарата. Это можно также сравнить с различием работы ученого и методолога. Ученый решает проблемы, а методолог работает совсем с другой реальностью — с методами ученого, а не с объективным миром природы или общества.

Американский философ и социолог Р. Коллинз предлагает такую методологию, которая рассматривает философские изменения не только как продукт интеллектуальной эволюции и конкуренции, но как следствие формирования и соперничества интеллектуальных сетей, институционализированных через университеты или «невидимые колледжи». Подобно тому, как в социологии знания наука перестает рассматриваться в отрыве от социальной среды и соответствующего ей уровня познавательных средств, включает институциональные особенности своего воспроизводства, в «социологии философий» Коллинз подверг сходному анализу философские учения (Коллинз 2002).

Многие сегодня сомневаются в том, что в наш век материализма в нефилософском смысле слова философия имеет значение. Даже на XXI Всемирном философском конгрессе (Стамбул, август 2003) вопреки логике участия в нем некоторые докладчики говорили о смерти философии, размывании ее предметной области, о том, что философия занимается теперь всем чем угодно. Тема конца философии, конца метафизики сегодня представленная в трудах многих философов, в частности у Ю. Хабермаса, не является новой. Р. Коллинз, подробно изучивший интеллектуальные изменения в глобальном масштабе, показывает переменчивые отношения между метафизикой и наукой, метафизикой и религией, подмечает закономерность, которая возможно действует и сегодня: «Декарт и его современники, пытаясь заменить философию наукой, тем не менее, строили свои программные аргументы на почве философии. Странники секуляризации, надеясь положить конец религиозному раздору, изгоняли метафизику как остаток теологии, но при этом сами сплетали другую сеть абстрактных вопросов. Данный паттерн повторяется: вновь и вновь попытки уничтожить философию создают некий более высокий уровень, на котором происходит дальнейшее расширение сферы философии» (Коллинз 2002: 801). Философия, в частности социальная

философия, не исчезает, но сегодня она ищет способы работать совместно с другими науками, выходить на микроуровень исследования, участвовать в междисциплинарном синтезе наук (Новые идеи в социальной философии 2006).

Все чаще философ осмысляет социальную реальность совместно с социологами. По-новому эвристично звучат для философа классики социологии.

Э. Дюркгейм (1858–1917) наследовал социотеологию Конта, считая общество, уже конкретное, а не все человечество, высшей реальностью. Социологизм и натурализм были базовой чертой его методологии, определявших его понимание социальной реальности как конкретного общества и имеющихся в нем социальных фактов. Социальные факты делятся у него на морфологические (материальный субстрат) и коллективные представления, характеризующие моральную целостность общества. Оба типа фактов Дюркгейм рассматривает как вещи. Это в равной мере относится к фактам того и другого типа. Классик натуралистического подхода в социологии, он прямо определяет сущность натуралистического метода как превращения исследуемого объекта в вещь: «Положение, согласно которому социальные факты должны рассматриваться как вещи, — положение, лежащее в самой основе нашего метода, — вызвало больше всего возражений. То, что мы уподобляем реальность социального мира реальности мира внешнего, нашли парадоксальным и возмутительным. Это значит глубоко заблуждаться относительно смысла и значения данного уподобления, цель которого не низвести высшие формы бытия до уровня низших форм, но, наоборот, потребовать для первого уровня реальности, по крайней мере равного тому, который все признают за вторыми. На самом деле мы не утверждаем, что социальные факты — это материальные вещи; это вещи того же ранга, что и материальные вещи, хотя и на свой лад» (Дюркгейм 1991: 394). Разрушение коллективных представлений ведет к аномии — «безнормию», отсутствию или рассогласованию ценностей. Это натуралистический подход, который, обладая существенной эвристикой, распространяется и на науки об обществе. Однако он игнорирует достигнутую немецким идеализмом возможность объяснять явления духа из них самих. «XIX век, — по мнению Апеля, — знал только две формы действительности вообще: физическое и психическое, причем то и другое, разворачивающееся во времени» (Апель 2001: 12).

Такие социальные реальности как «культура», «цивилизация» и др. не являются эмпирическими данными и не получают однозначной трактовки при понимании.

Как правило, альтернативная Дюркгейму позиция в трактовке социального фиксируется у Г. Тарда (1843–1904), социальная онтология которого прямо противоположна. Он произвел переоценку мотиваций индивидов, ведущую к изменению социальной онтологии. Она образуется социальными индивидами, обладающими воображением и способностью к творчеству, инновациям. Становление социального у него начинается с индивидуализации и завершается переходом от психологических состояний к культурным,

от утверждений единой социальности к признанию ее многообразия, вариативности, количественным параметрам. Тард был специалист по статистике, и данные последней имели для него особое значение. Он изучал толпу и знал о ее способности внезапно придти в новое состояние, образующее разрыв в социальной реальности, но, вместе с тем, ее продолжение.

Тард находит аргументы против взглядов Дюркгейма на социальную реальность. Он считает, что не все социальные философы живут в одном и том же мире и разделяют одни и те же представления о солидарности. Кроме того, социальные теоретики не являются связанными между собой общими эпистемологическими представлениями.

Реинтерпретация Тарда привела Б. Латура к рассмотрению социальной реальности как сети акторов (Latour 2003: 117–133). Эта концепция в свою очередь эволюционировала путем разделение активности человека и его общностей. Активность характеризуется переходом от поведения к социальным действиям, от социальных действий к взаимодействиям, от взаимодействий к социальным отношениям, от социальных отношений к организациям, от организаций к социальным структурам. Общности же характеризуются переходом от индивидов к разному типу социальных групп — общности, общине, локальному обществу, региональному обществу, обществу, размещенному в национально-государственных границах, человеческому обществу в целом.

Особый интерес к Тарду проявляют постмодернисты, рассматривающие его как своего предшественника, отрицающего монолитность общества. Проблема «исчезновения социального» поднята преимущественно ими (Тоews 2003: 81–98). Социальное, по мнению Ж. Бодрийяра, растворяется в «черной дыре» массового общества, в «молчании масс» (Бодрийяр 2000: 19)

Как видим, судьба социальной реальности, социальности, включающая ценности, оказалась в полном соответствии с натуралистическим пониманием реальности физической: она — продукт развития общества, продукт концепций, которые конкурируют или вытесняют другие, продукт базовых культурных представлений. Но онтологизируются наиболее работоспособные и более культурно приемлемые конструкты, более отвечающие объективным переменам, как это было отмечено В.С. Степиным.

В социальных науках «социология философий» является важным фактором образования сети научных акторов, создающей определенное направление в некоторое определенное время, либо пронизывающей разные времена. Это касается также пространственной локализации философского, социологического направления и его способности организовать пространственную сеть. Вторая (после книги Коллинза) работа, которую можно было бы, хотя и в меньшей мере, отнести к «социологии философий», «социологии социальных философий» или «социологии социологий» — статья А. Верника «От Конта к Бодрийяру. Социотеология после конца социального», посвященная проблеме «конца социального» (Wernik 2000: 55–75). В отличие от уже достаточно известной связи социального с временными, пространственными, историческими, культурными и когнитивными параметрами, позволяющими

ми произвести ту или иную онтологизацию, здесь раскрывается значение социально-философского сообщества в проведении некой национальной традиции онтологизации, которая одновременно является социально обусловленной историей мысли, историей идей, включенных в сеть сообщества социальных теоретиков.

Верник находит в истории социально-философской и социологической мысли Франции некую «арку», идущую от Конта к Бодрийару. Все звенья ее конструкции культурно, когнитивно, исторически и пространственно связаны, но, в конечном итоге, сложились под влиянием избирательного интереса социально-философских акторов друг к другу. Возвеличение человечества Контом, общества Дюркгеймом было двойной реакцией на секуляризм Великой Французской революции. Так осуществлялся возврат к Богу. Но в иной форме — в форме обожествления социального — социотеологии. Искали общество Бога, общество, в котором представлен Бог (вопреки «смерти Бога» у Ф. Ницше). Это было связано с когнитивным поиском такой социальной науки, как социология, которая стремилась быть позитивной, рефлексивной, *sui generis reality*. Ее теории должны были стать одновременно буржуазными социологиями, объясняющими капитализм и ищущими его лучшие формы в преодолении апории между верой и разумом.

Величайшее общество Дюркгейма, солидарность которого базировалась не только на разделении труда, но и на моральном единстве в коллективных представлениях столкнулось с аномией, а в посткоммунистический период — и с аномией целых обществ. В отличие от Дюркгейма (и Т. Парсонса) Р. Мертон не связывает аномию с переходными состояниями в обществе. Он видит постоянный источник аномии в социальной структуре капиталистического и особенно американского общества. Социальная структура представляет у него комбинацию двух параметров: одобряемые культурой данного общества индивидуальные цели и институциональные средства их достижения. Целями американца, соответствующими кредо его страны становится материальная обеспеченность и успех. Но эти цели с трудом достигаются теми средствами, которые предлагаются институциональной структурой, а именно — образованием и упорным трудом. Несогласованность целей и средств и рождает аномию, ситуацию риска. Толпы Тарда время от времени появляются на улицах, и мы все больше нуждаемся в социально-психологическом знании.

Сама жизнь создает изменения, отражаемые в теории. Но теории представляют мир в соответствии с предпочтениями, ценностями, когнитивным опытом, социальными позициями теоретиков в сложившихся научных сообществах и сетях, потенциально включающих многообразие возможностей кооперации, но реально складывающихся под влиянием множества обстоятельств.

Конт был ограничен научно-индустриальной стадией развития общества, в которой совпали формирование свободных ассоциаций, вера в прогресс и альтруизм. Сакрализация человечества не связана с его коллективностью и способностью к развитию, а с самим стремлением стать человеческим об-

ществом. Человечество не было дано Конту как уже осуществленное. Поэтому Контское обожествление человечества вполне сочетается с Марксовым антирелигиозным признанием человечества.

Социальное не исчезает. У социальной философии всегда есть работа постижения и созидания социального.

В смене его форм заметна решающая роль ценностных изменений, механизм которых не эксплицируется в общей форме в натуралистических объяснениях ни философов, ни социологов. Философу вообще трудно обнаружить *механизм* ценностных трансформаций. Он должен быть зафиксирован хотя бы где-то, чтобы дать предположение о своей возможной универсальности. Вот здесь социолог и подает руку философу. Таким социологом для меня явился Питер Вагнер с его концепцией реконвенциализации.

Три великие трансформации

Американскому ученому венгерского происхождения Карлу Поланьи принадлежит блестящий анализ взаимоотношения общества и рыночной экономики как на ранних этапах ее становления, так и на фазе зрелого капитализма. Он показывает, что тысячелетиями рынки были встроены в систему социальных связей, не изменяя их и даже поддерживая их. Постепенно человек и природа отчуждаются в рыночной экономике, становятся товаром и система социальных связей поглощается рыночной экономикой.

Этот переход от традиционных обществ к либеральному классическому капитализму XIX в. К. Поланьи назвал великой трансформацией (Поланьи 2002). Обнаружив последующие трансформации капитализма, я и мои соавторы по находящейся сейчас в печати книге «Глобальный капитализм» назвали этот переход *первой великой трансформацией*.

Автор предисловия к первому изданию Поланьи П.М. Макайвер отмечает суть тогда нового взгляда, который сегодня переживает, после короткого периода недавнего господства неолитерализма в мире, свое второе рождение: «...Поланьи не претендует на то, чтобы писать историю, — он ее переписывает. Он не вносит свечу в некие темные уголки ее и не пытается сделать из нее публичное исповедание своей собственной веры, — нет, г-н Поланьи <...> проливает новый свет на разнообразные процессы и перевороты, охватывающие целую эпоху невиданных по масштабу перемен <...> Непосредственная цель г-на Поланьи заключается в том, чтобы выявить <...> социальные последствия определенной экономической системы, а именно — рыночной экономики, полное развитие которой наступило в XIX в. События и процессы, теории и поступки предстают перед нами в новой перспективе <...> Сведение человеческого существа к простой “рабочей силе”, а природы — к “земельной собственности” превращает новую историю в высокую, захватывающую драму, в финале которой ее скованный протагонист, общество, разрывает свои цепи» (Поланьи 2002: 6).

Воздействие капитализма на культурную и социальную среду между тем набирало обороты. Индустриализм, роль государства, образование

буржуазных наций, первая глобализация 1885–1914 гг., роль знаний и технологий следовали из изначально избранной капитализмом траектории саморазвития, основанной на рынке, и питали его. Либеральный капитализм XIX в. сложился в своей классической форме, но не оставался неизменным: его эволюция уже была заложена в том, что он достиг определенной, по-своему завершенной фазы. Классический капитализм XIX в. лишь отчасти продолжил свою эволюцию, меняясь под влиянием новых факторов. Изменения капитализма сочетают эволюционное развитие и прохождение точек бифуркации, ломающих его траекторию. Первая великая трансформация, связанная с переходом от традиционного общества к капиталистическому и с достижением пика его либеральной фазы, сменилась новой трансформацией.

Вторая великая трансформация — это переход от либерального капитализма XIX в. и первой глобализации к нелиберальной эпохе организованного капитализма между двух глобализаций. Первые признаки новой великой трансформации появились в начале XX в., а Первая мировая война, национализм, Великая Октябрьская социалистическая революция в России, фашизм дали ей полный ход, решительно остановив предшествующий этап развития капитализма и сформировав его неклассическую фазу, охватывающую период между двух глобализаций — 1914–1990-е гг. XX в.

Поздний капитализм, специфические черты которого уже явно проглядывали в 1950–1970-е гг., отличал существенный и давно сформировавшийся разрыв с традициями первой великой трансформации капитализма, начавшийся с Первой мировой войны. Процесс активного регулирования экономической деятельности со стороны общества привел к новой форме взаимоотношений: взаимодействию двух этих систем — экономики и общества (с присущими ему многообразными сферами). Все материальные технологии и процессы, происходящие в экономической среде, оказывают давление на институты общества и ведут, в конечном счете, к их трансформации и принятию адекватных социальных технологий с их последующим давлением на экономику.

В отличие от первой великой трансформации, сформировавшей капитализм и доведшей его до либеральной классической фазы, вторая великая трансформация оборвала либеральный капитализм и перевела его в организованную форму (термин «организованный капитализм» впервые употребил П. Вагнер).

Частью этой новой трансформации явились системная оппозиция первой глобализации как черте либерального капитализма. Первая мировая война, а также альтернатива капитализму, открывшаяся после Великой Октябрьской революции, строительство социализма и социалистическая индустриализация, повторившая опыт Запада в странах второго эшелона развития, конкуренция мировых систем капитализма и социализма, освоение опыта социализма капиталистическим миром в формах социал-демократии сменили либерализм. Все эти формы организованности завершились разрушительным студенческим бунтом в Западной Европе конца 1960-х, анархическим

сопротивлением и поиском новых направлений развития капитализма. Но переходный период был весьма продолжительным.

Третья великая трансформация — 1990-е гг. XX — начало XXI в. и ее будущее, как кажется, очень длительное продолжение, первоначально характеризовались неомодернизмом, догоняющей модернизацией незападных стран, пытавшихся реализовать идеал либерального капитализма XIX в. Довольно быстро — за два десятилетия — третья трансформация свернула в сторону, более близкую ко второй великой трансформации — антилиберальной фазе, обещающей новые повороты и бифуркации как в развитии капитализма, так и в протекании и понимании прогресса.

Ренессанс либерализма как начало третьей великой трансформации характеризовал и западные страны в отмеченный период. Сходство этого процесса с капитализмом XIX в. определила новая — вторая — глобализация, которая явилась победой либерализма в глобальном масштабе, победой капитала над национальными интересами отдельных стран. Этот капитализм не вписывался в представление о современности классической теории модернизации, но такие исследователи, как У. Бэк, Э. Гидденс, С. Лэш, предложили концепт новой современности, обладающей чертами рефлексивности, позволяющей выявлять собственные противоречия.

Однако если вспомнить главную причину второй великой трансформации — подавленность социального экономическим, — то процессы третьей трансформации поначалу вернули прежнее господство экономике, которая снова «потребовала безжалостно отвергнуть представление о том, что человек есть существо социальное» (Полныи 2002: 7). И перед обществом встали прежние задачи — обрести это понимание. Они конкретизировали чуть ранее ясно высказанную Ю. Хабермасом мысль о незавершенности «проекта модерна». Рост «капитализмов» и «индустриализмов» в новых странах сегодня убеждает нас в этом.

Насущная задача анализа третьей великой трансформации капитализма совпадает с объективно начавшимися изменениями — убыванием значимости либеральной идеологии как в США, так и в странах посткоммунистического блока, появлением новых капиталистических стран в Азии, ослаблением тенденций второй глобализации. Эти тенденции можно обозначить как начало третьей великой трансформации, которая вновь решает прежде не решенные и вновь возникшие вопросы. Третья великая трансформация только проявляется своими первыми признаками, но уже есть основания для предположений о ее возможном ходе, присущей ей инновации в понимании прогресса и модернизации, большем внимании к ценностям и опасением, что отсутствие решения ряда проблем — экологической, этической, нехватки справедливости — угрожает человечеству. Эволюционные и революционные изменения капитализма, как и прежде, связаны с человеческим выбором, с сознательным осмыслением прошлого, настоящего и будущего.

Таким образом, доклассический капитализм показал, что традиция имеет значение, и рынки — это всего лишь новый экономический механизм. Классический капитализм продемонстрировал, что рынки и экономика приобре-

тают преобладающее значение и подчиняют себе общество. Неклассический капитализм XX в. попытался высвободить общество, поставить его над или рядом с рынками и экономикой. Третья великая трансформация к постнеклассическому капитализму направлена на высвобождение общества вместе с выдвигаемым на значимые места политики, этики и культуры.

При нынешней неразличимости фаз развития капитализма в его дискурсе смешались причудливым образом прежние и новые представления. Для одних он остался формой эксплуатации, хотя сегодня представление о классах ушло на задний план, и главной формой эксплуатации считается «бразилизация» — игнорирование верхними, в том числе и властными, кругами интересов населения и богатыми странами Запада (Севера) интересов стран Юга. Капитал сегодня понимается уже не только как накопление материальных ресурсов, но и как концентрация человеческих, культурных, символических ресурсов и возможность их конвертации. Запад осуществляет управленческие функции, создав у себя «общество знания» и «экономику знания». Многие все еще не видят того, что мир уже не догоняет Запад, а включен в глобальный капитализм на его предварительных (но не окончательных) условиях. Еще не исчезли туманности философии постмодернизма в сознании теоретиков, питаемые изрядной долей хаоса преобразований и драматических перемен, фрагментацией смыслов прежней жизни, появлением новых исторических акторов. Но уже выстраиваются строгие линии рациональной борьбы за лидерство, успех и признание — в глобализацию врываются как прежде закрытые для мира пространства, так и империи, диктующие правила, новые акторы включаются в спор о правилах мирового порядка. Если бы не было нынешнего развития Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, России, можно было бы мыслить по-прежнему. Но страны БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — демонстрируют новый тип развития, позволяют увидеть новые тенденции. Они осуществляют вестернизацию, но не следуют догоняющей модели развития. БРИК — это не союз, не новый регион, это страны однотипного индустриального развития. Я предлагаю два сценария развития незападного капитализма: либо как культурно и политически изолированно действующей экономической машины, либо как нового Нового времени для незападных стран — своего рода повторения первой великой трансформации, генезиса, характерного для западного капитализма, и возможное достижение его классической фазы — индивидуализма, индустриализма, формирования или даже строительства буржуазных наций, меняющуюся в сравнении с первой великой трансформацией роль идентичностей. В любом из этих сценариев Запад выступает как культурно-специфический регион, существующий наряду с другими. Своей политической культурой он защищает присущий ему капитализм даже тогда, если незападные страны берут из него только экономическую машину (первый сценарий), а также тогда, если они медленно идут прежней дорогой Запада, но уже не догоняя Запад сегодняшнего дня (второй сценарий). Возможен и третий сценарий, который прежде всего имеют в виду постмодернисты, — пестрота, хаос на долгое время, смесь всяких удавшихся и неудавшихся тенденций. Но на то

философия и наука существуют, чтобы этот «вызов Дьявола», как говорил про такие тенденции А. Тойнби, не состоялся. Он может возникнуть вследствие пандемий, генетических мутаций, климатических катастроф, терроризма, маргинализации общества и прочих нежелательных и непредсказуемых процессов, но его невозможно планировать, использовать для манипуляции, так как управляемого хаоса таких масштабов в чьих-то интересах организовать нельзя. Речь идет о сложных системах, где самое малое возмущение, не говоря уже о большом, может в отличие от простых систем вызвать гигантские изменения катастрофического характера. Здесь мы целиком разделяем интенцию Ю. Хабермаса, который пишет: «Именно вызов, брошенный неоструктуралистской критикой разума, создает перспективу, в которой я пытаюсь шаг за шагом реконструировать философский дискурс о модерне. В этом дискурсе модерн с конца XVIII столетия был поднят до уровня *философской* темы» (Хабермас 2003: 10).

Грандиозные изменения капитализма были неоднозначно эксплицированы и получили преимущественно описательные оценки, не касаясь механизма трансформаций.

Кризисы реконвенциализации

Весьма любопытную и важную для нас в методологическом плане периодизацию современности предлагает немецкий исследователь П. Вагнер. Она основана на представлении о сменяющихся типах современности, каждая из которых в своем завершении испытывает серьезный кризис, но люди находят силы, чтобы преодолеть его и перейти к новому типу современности.

Вагнер утверждает, что в истории современного общества, современности, было два кризиса: 1) с конца XIX в. до конца Первой мировой войны; 2) с конца 1960-х гг. до середины 1990-х гг.

Вагнер пишет: «...кризисы существуют, когда не выполняются репродуктивные нужды системы <...> институты как стабильные сети социальных конвенций, и мы можем смотреть на образование таких институтов как на процесс конвенциализации, а кризис будет отмечен тенденцией к реконвенциализации, в результате которой возникнет следующая сеть конвенций <...> Кризисы тогда могут быть объяснены как периоды изменения индивидами и группами своих социальных практик...» (Wagner 1994: 30)

Термин «конвенциальный кризис» нам очень нравится. Дело в том, что философ назвал бы это ценностным кризисом и оказался бы в огромном море бесчисленных ценностей. Несмотря на то что термины «западные ценности», «ценности капиталистического общества», «ценности техногенной цивилизации» приближали бы этот постоянно удаляющийся горизонт «ценностей вообще», они не могли бы его сузить до ценностей, по поводу которых существует договоренность, в которых живут даже те, кто считает их несправедливыми, обретших характер данности, общезначимости, почти квазиприродности. Кроме того, философу не удалось бы сгруппировать те конвенционально принятые ценности, которые открывают новые виды прак-

тик. И последняя причина — внезапность реконвенциализации, кризиса дает исторические уроки: ни одно состояние общества не является совершенным и тем более завершенным, в нем зреют новые процессы, бродят новые силы, взрываются новые идеи. И потому нельзя быть самонадеянным в отношении квазиприродного состояния общества и вечности конвенций.

Первая мировая война противопоставила национализм глобальному капитализму и либерализму в качестве системной оппозиции, следствием которой стали социал-демократия, буржуазная и социалистическая революции в России, раскол мира на две социальные системы после Октября. Именно эти события создали кризис конвенциализации, когда рухнула прежняя вера в прогрессивность либерального капитализма, потеряли значение все прежние конвенции.

В ходе Первой мировой войны начинали создаваться новые конвенции — справедливости в отношении стран более позднего развития, преобладания национально-государственных интересов с одновременным революционным отрицанием этой конвенции (в России — большевистским меньшинством, а затем, по мере тяжести и бессмыслицы участия России в Первой мировой войне, и массами). Великая Октябрьская социалистическая революция «втокнула» в общество конвенцию социальной справедливости в отношениях между классами. Затем последовали вторая мировая война, холодная война, вновь выдвинувшие на передний план конвенцию национально-государственного суверенитета и процветания, возник рост организованности капитализма, перехода Запада в конце 1950–1960-х гг. в потребительское общество, формирование технической рациональности и технократического управления. Подъем Японии и других азиатских «тигров» в 1970–1989-е гг. разрушил принятые конвенции, побудив думать о новых в терминах постиндустриального общества. Две мировые войны способствовали росту государственного капитализма, таможенному протекционизму, расколу мира на блоки и две социальные системы после социалистической революции в России.

Общая схема философско-антропологического строения общества стала необходимой формой для любых типов общества и этапов в его развитии. Для каждого из них она наполняется конкретным содержанием.

В качестве нового принципа, способного обеспечить новые конвенции и практики на их основе, возник принцип организованности, явно противостоявший идеям самоорганизации либеральной современности и разрухе войн. Организация и организованность противостоят либерализму и космополитизму, ибо по определению имеют локальный характер и корпоративные цели.

Организованное общество, которое было произведено в период второй великой трансформации, обрело новые формы, среди которых выделялись коммунизм и социализм, наряду с организованным капитализмом. Пытаясь предотвратить эксцессы социалистической революции, капитализм породил такую новую организационную форму, как социал-демократия западного типа, смягчившая социальные коллизии Запада, уже способного к перерас-

пределению доходов из-за общего экономического роста и отказа от либерального устройства, отдававшего дело справедливости стихии рынка. Но коммунизм в России и других странах коммунистического блока в отличие от западного социализма не повернул к демократическим формам до начала 1960–1970-х гг., и этот поворот был недостаточным, запоздалым и экономически не обеспеченным высокими потребительскими возможностями, гарантирующим только необходимый минимум.

Кризисы 1960–1990-х слились, создавая особые препятствия для понимания и осуществления самостоятельных практик. Студенческий бунт, как и вся волна анархизма 1960-х, казалось, остались в прошлом, но кем стали его участники, какие результаты ими были достигнуты? Рядовые участники сопротивления организованности, как правило, жили жизнью обывателей. А лидеры чаще всего использовали свое участие в революции 1960-х для вхождения в элиту общества. Многие «попутчики» — хиппи и прочие представители маргинальных форм жизни — погибли, не вынеся тягот социально выбитого из колеи существования.

Опыт Азии этого периода остался не понятным ни наукой, ни общественностью. Мы долго колебались, перенести ли параграф «Спор постмодернизма и модернизма и расширение представлений о современности» из предыдущего в этот раздел. Но в нем отражена та часть кризиса, которая требовала либо объяснения, либо перемен в самом развитии, кризиса, охватившего как распад второй организованной современности, так и неуверенную поступь начинающейся третьей великой трансформации.

И наконец, внезапно вспыхнувший неолиберализм Р. Рейгана и М. Тэтчер на Западе, а также самая радикальная из версий антикоммунизма — неолиберализм в посткоммунистических странах, почти смыкающийся с анархией и бунтом, которыми завершилась организованная современность, окончательно разрушил все самоочевидные ценностные конвенции. Переходной эпохой мы называем 1960–1990-е и не в смысле перехода куда-то, что было бы можно определить (как, например, говорили в 1990-е о периоде транзита, перехода к демократическому обществу или капитализму), а в смысле времени, не имеющего ясных конвенций в отношении ценностей и практик.

Продолжающийся кризис реконвенциализации переходного периода — 1960–1990-е — уже не сводился к студенческому бунту и анархизму, ибо они оказались на ранней стадии реконвенционализации прежнего организованного капитализма.

Тройной конвенциональный кризис составил переходный период между второй и третьей великими трансформациями: студенческий бунт, анархическое сопротивление организованности капитализма, попытку вернуться к либерализму, сопровождающуюся анархическими тенденциями, а также когнитивный кризис в восприятии азиатского опыта 1970–1980-х гг. Вызов Азии конца 1970-х гг. оставался в пределах второй великой трансформации 1914–1990 гг., когда первая глобализация закончилась, а вторая не началась. Современность и капитализм трансформировались из либеральных в организованные с 1914 по конец 1960-х гг., затем стали видоизменяться в новое

состояние вплоть до перехода от организованной современности к дезорганизации, квазиобъясненной и в отношении Запада, и в отношении Востока, но заложившей предпосылки третьей великой трансформацией. Реконвенционализация представлений о современности, вызванная азиатским опытом, находила и собственные корни на Западе в поведении новых поколений, утративших оптимизм и пафос, расслабленных консюмеризмом и инфантилизированных им. И может быть поэтому попытка введения новых конвенций повернула назад — к героическому, стоическому и рациональному опыту первой великой трансформации и первой современности, но повторилась как фарс.

К тому времени, когда возникли проблемы слома коммунизма и поисков альтернативной идеологии, реконвенционализация в отношении к Азии была забыта, так как казавшийся стремительным и неожиданным ее опыт не продолжился, началась стагнация.

Начались события в России.

Витающие в воздухе обрывки постмодернизма и синергетики определили фразеологию многих российских реформаторов. Суть же их позиции совсем не постмодернистская. Мы уже не раз обращали внимание на то, что постмодернизм не признает никакой героической и радикальный порыв. Его отношение к миру ироническое. Как известно, ирония — это тип отношения к действительности, который отрицает настоящее и пародирует все, что ему принадлежит. Действительный постмодернист не останавливается перед самоиронией, отрицает возможность социального проекта, ибо настоящее, возникшее в результате его осуществления, будет заслуживать не меньшей иронии. Пределом иронии, конечно, является и самопародирование или пародирование своей деятельности и ее продуктов. Постмодернисты доказывали, что история полна альтернатив, что социальный проект в силу этого более невозможен и потому невозможны необходимые для внедрения проекта убежденность, серьезность, энергия, напор, мобилизация масс, пафос и пр.

Неолиберализм привел российскую модернизацию к состоянию, близкую к анархическому порядку, включающему слабость центральной власти, коллективных представлений и институтов общества, а также самопомощь и кооперацию (прямо по П.Н. Кропоткину) и разрыв с чуждой интеллигентской культурой (прямо по М.А. Бакунину). На другом уровне он продолжил студенческие бунты и анархизм 1960-х в борьбе с организованной современностью коммунизма. Это была идеология, коренным образом противостоящая коммунизму и, следовательно, максимально реконвенционализирующая его ценности и практики. 1990-е сегодня признаны кризисными, но суть кризиса — реконвенционализация или попросту ломка устоявшихся ценностей.

Третья великая трансформация и третья современность установили новые конвенции.

Тема современности и капитализма оказалась на острие теоретических размышлений в связи, в частности, с опытом незападных стран и прежде

всего стран Азии, подорвавшим основы понимания современности. Конкуренция постмодернистского и модернистского видения, описанная выше, имела глубокие причины. Модернизм, сознающий свою тесную связь с капитализмом, вступил с ним в менее солидарные отношения, полагая, как мы отмечали выше, что незавершенность проекта модерна связана с эгоизмом капитализма, постоянно упуcaющим социальную субстанцию из вида.

Что такое современность в свете пережитых кризисов реконвенциализации?

Модернистские теории предполагали возможным полное осуществление модернизации, но все отчетливее стало сознаваться, что модерн — незавершенный проект по своей сути, т.к. он создает вариации современного общества, смену типов современности по мере распространения в мире. Эта новая логика ослабляла позиции постмодернизма.

Если для Хабермаса постмодернизм — это разрыв с современностью, который он критикует, отстаивая принципы модерна, то для Баумана он одновременно связан с современностью и порывает с ней. Столь популярный в 1970-е и даже 1980-е гг., сегодня постмодернизм ушел на периферию и снова уступил место концепту современности.

Современность — это вариативный концепт, включающий в себя инновационные формы построения социального порядка и развития, значение личной автономии, демократии, закона, гражданских установлений, свободы, контроля, включая самоконтроль, и дисциплины, включая самодисциплину, капиталистическую или социалистическую форму производства, тенденцию к хозяйственной демократии.

В период поисков объяснений меняющемуся миру появились многообразные понятия в рамках концепции модернизации, которые стремились отстоять модернизм против постмодернизма. Для выполнения этой функции появилось много эпитетов к термину «современность» — «поздняя», «вторая», «другая», «рефлексивная», справедливо оцениваемые Вагнером как «протоконцептуальные» (Wagner 1994: 171). Несомненно, что и «постмодернизация» относится к их числу. И путь к концептуализации, а тем более к теории в социальных науках часто связан с рационализацией подобных метафор. На пути к неокapиталистической теории — теории капитализма, основанной на адекватном соотношения экономики и общества, концептуализация пока будет «ожидать» зрелости событий.

Рассмотренные Вагнером исторические вариации современности в нашем контексте представляются наиболее интересными. П. Вагнер, как и Э. Гидденс — исторические социологи и в отличие от философов, выясняющих степень рефлексивности модернизации и ее связь с научностью, стоят на почве социальной истории. Итак, вернемся к Вагнеру (и надеемся, будет уловлено, что это не повтор, а развитие сюжета), следуя которому и одновременно преобразуя его концепцию, выделим:

1. Первая современность — либеральная современность XIX в. вплоть до Первой мировой войны.

Кризис Первой либеральной современности, сломавший ее, был обусловлен системными оппозициями ей и прежде всего включенной в нее первой глобализации со стороны германского национализма (Первая мировая война), социализма (Великая Октябрьская революция и строительство социализма) и фашизма (в Германии, Испании и Италии). Глобализация была прервана до 1990-х гг., когда распад коммунизма создал предпосылки для возобновления глобализации. Но в это время современность осуществлялась в новой форме. Второй причиной было упрощение автономного ответственного индивида до «экономического».

Кризис трактуется Вагнером как разрушение конвенциализации, а его преодоление — как успешная реконвенциализация, открывающая последующую сеть конвенций, обеспечивающих новые социальные практики.

Кризис между двумя современностями охватывает период Первой мировой войны, но и тогда начинают утверждаться конвенции о значимости государства, несправедливости либерализма, приведшего к катастрофическим событиям в Европе. Именно эти новые конвенции описывает Поланьи как уже готовые в конце Второй мировой войны.

2. Вторая — нелиберальная, организованная современность — началась с окончания Первой мировой войны и продолжалась до конца 1960-х — начала 70-х гг. Наиболее успешную фазу становления она прошла с окончания Второй мировой войны 1945 г. до 1973 г. Войны, как это ни покажется странным, дисциплинировали общество, ввели государственный контроль за экономикой и вооружениями, за военными действиями. Здесь заканчивается господство экономики, увеличивается роль государства и техноструктур, массовая культура и потребительское общество конца 1950–1960-х гг. делает потребителя участником производства. Экономический человек сменяется потребителем или сводится к последнему.

Происходит отход от либерализма. Возникает конвенциализация практик государственного управления, повышение уровня организованности, включение максимального количества людей в согласованное взаимодействие в этих практиках. Наблюдается возрастание роли техники как второй целерациональной системы капитализма, технической рациональности и техноструктур, тейлоризма, фордизма, менеджмента, движения к устойчивым формам организации, рост бюрократизации, увеличение значения национального государства, отношение к социализму как особому способу индустриализации и модернизации, развитие социал-демократии на Западе. Как отмечает исследователь этой проблемы В.Н. Фурс, «организованный модерн имел свой сложный и длительный генезис. Однако когда конвенциализация утвердилась в социальной жизни, ее конструируемый характер исчез из сознания членов общества. Прочные социальные классификации стали казаться репрезентирующими естественный порядок реальности. Точнее, наличный социальный порядок предстал как квазинатуральный и идеальный одновременно: отклоняющиеся социальные явления внутри и вне западных обществ трактовались как пережиточные» (Фурс 2000: 212).

3. 1960–70-е гг. не только Вагнеру, но и большинству исследователей представляются переломными. В отличие от тех, кто называет это время поздней современностью, обществом потребления, обществом риска, постиндустриальным или информационным обществом, мы употребляем эти термины в адекватных им контекстах, не генерализуя их. В концептуальном плане мы предпочитаем вагнеровские дефиниции — *дезорганизованная современность*, *дезорганизованный капитализм*. Это этап нового кризиса современности.

Это время разрушения прежде достигнутых конвенций, жестких социальных структур, замедляющих продвижение молодежи по социальной лестнице, время студенческих бунтов, стремления к субъектности, к разрушению сложившихся компромиссов и взаимодействий, отказ от практики социального партнерства.

Это время бунта против системы, представавшей как завершенная и совершенная. Если бы она в действительности была таковой, ни Запад, ни остальной мир не мог бы находиться больше в незавершенном и не предполагающем завершения состоянии, в незавершенной и не предполагающей завершения модернизации.

4. Далее Вагнер надеется на либерализм с человеческим лицом как новую фазу современности. Предшествующий этап расчистил почву для *неолиберальной современности* Р. Рейгана и М. Тэтчер, либерализации коммунизма и последующего радикального неолиберализма посткоммунистических стран с парадигмой *неолиберальной современности*, догоняющей модернизации, революционным лозунгом «иного не дано», антикоммунистическими революциями, распадом коммунизма, началом второй глобализации с конца 1990-х гг., подчеркивающим победу неолиберализма. В 1994 г., когда Вагнер опубликовал свою книгу, еще можно было ожидать того, что, несмотря на очевидную революционную ломку старых подходов, неолиберализм удержится в случае успешного проведения реформ, и принципы первой современности могут быть возобновлены. Но организованная современность породила социал-демократии Запада, и если коммунизм можно было пытаться революционно сломать, то социал-демократии Запада, хотя и испытывали кризис, не подлежали революционной ломке.

Левые силы Запада не могли более придерживаться старой левой социал-демократической точки зрения. Согласно Гидденсу, Запад слишком долго пребывал в современности, которой 500 лет, в *первой современности* (сюда он включает и то, что мы называем *второй современностью* — *организованную современность*), и потому Запад переходит в *новую современность*, характеризующуюся социальным государством периода второй глобализации. Стал обозначаться процесс, обретший силу проекта, и ему было дано название «третий путь». Это важное «вторжение» в рассматриваемую типологию Вагнера, дающее нам возможность построить свою классификацию современности.

5. В орбиту размышлений Вагнера, чья типология современности (модерна) кажется нам эвристичной для наших целей и служит основанием

для нашей собственной типологии, не вошел и первый вызов Азии в 1970–1980-е гг. Но именно этот вызов может быть характеризован как еще один не обозначенный Вагнером кризис организованной современности. Помимо приведенного выше определения кризиса, остановимся на существенном дополнении, данном Вагнером: «Кризисы современности — это периоды, в которых одновременно понятие и образ современности очень сомнительны. Особые черты этих идей становятся видимыми именно тогда, когда есть доверие к понятию “закономерной причины” или появляется идея о связи понятия и образа современности. Такие кризисы и трансформации современности “прогрессивны” в том смысле, что даже наиболее интеллектуальные усилия должны быть поставлены перед перестройкой понятия “закономерная причина”» (Wagner 2007:171).

Трудности истолкования первого азиатского вызова и потребность в пересмотре его трактовки, суть которой стала выявляться со стороны своих «закономерных причин» лишь сегодня — на следующем подъеме экономики Азии (Китая, Индии), а также Индонезии, Бразилии и отчасти России (виртуально объединенных названием БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай). *Эта суть сегодня — продолжение современности, проекта модерна.* Отсюда и прежний подъем Азии не выглядит больше как постмодернизация, предположение о которой было связано, напомним, не столько с постмодернизмом, сколько с сохранением идентичности этих стран в ходе модернизации, их отказом от радикальной рекультуризации как предпосылки развития.

Хабермас опасался, что «социальная модернизация <...> может не пережить конца культурного модерна, из которого она возникла, — она, вероятно, не сможет устоять и перед «махровым» анархизмом, под знаком которого начинается постмодерн» (Хабермас 2003: 10). Но модерн, современность устояли, поддержанные, во-первых, логикой реальных трансформаций, объективно диктующих модернистское видение, во-вторых, воображением, стремившимся к рациональности и ясности видения, и, в-третьих, признанием ценности парадигмы модернизма и моральной неприемлемостью иронического пародирования собственной трагической эпохи.

Начался новый этап преобразований — третья великая трансформация, открывающая эпоху *третьей современности — современности, обусловленной второй глобализацией, которая не смогла избежать нового, второго дыхания Вестфальской системы — самоутверждения национальных государств различного типа, переставших ориентироваться на догоняющую Запад модель.*

Итак, в соответствии с системой координат, обозначенных нами как первая, вторая и третья великие трансформации, мы предлагаем адекватную им типологию современностей:

Первая (либеральная) современность — весь XIX в. вплоть начала Первой мировой войны.

Ее кризис — Первая мировая война, оппозиции либеральной современности — национализм, коммунизм и фашизм.

Вторая (организованная) современность — 1920–1970-е гг. (между глобализациями).

Ее кризисы — дезорганизованная современность конца 1960–70-х гг. (студенческие бунты и пр.) и короткий всплеск либерализма 1980–1990-х гг. Конвенции организованности подверглись атаке со стороны анархических процессов 1970-х, были отчасти возобновлены в 1980-е–90-е, когда квазидемократии посткоммунистических стран явно представляли волю вместо организованной свободы, анархический порядок. Общий период кризиса 1960–1990-е (Федотова 2000). Он захватил период разрушения второй современности и поисков путей к третьей.

Третья современность — отрицающая прежние кризисы реконвенциализации, современность второй глобализации и национальных государств различного типа в XXI в., следствие начавшейся третьей великой трансформации.

Конечно, трудно избежать сомнений относительно того, можно ли объединять организованную современность и бунт против нее, а также короткий всплеск неолиберализма и последующее доминирование, несмотря на вторую глобализацию, национальных государств разного типа, даже представив бунт и неолиберализм как кризисы. И мы решились на это потому, что дезорганизованный капитализм возник как реакция на излишнюю организованность, а радикальность короткого неолиберального периода содержала те же черты бунта, смыкаясь с предшествующим кризисом, и была самоисточником провала неолиберального радикализма и перехода к национальным капитализмам и современности, в которой существуют государства разного типа. Противоречия этих этапов содержат свое другое, и потому могут быть поданы как целостный, так сказать, диалектический процесс.

Напомним еще раз, что спор по поводу типологий не может состоять в том, чья типология объективно лучше. Это спор об инструменте, в данном случае инструменте анализа трех Великих трансформаций. И Вагнер, и Гидденс делают свои типологии более подробными, детальными, мы тоже не избегаем деталей. Но наша главная цель — анализ макросдвигов, для чего мы предложили этот инструмент.

Заключение

Мы использовали идею Вагнера о реконвенциализации для анализа собственного материала трех великих трансформаций, периодизация и содержание которых отличалась от тех, которые давал Вагнер. Мы нашли в его методологии эвристически ценный инструмент, ненатуралистическая природа которого не позволяет считать изменения капитализма закономерностью, открыв которую мы можем их предсказать. Напротив, в этой методологии поднят социально-конструктивный пласт. Кризисы и реконвенциализация показывают, во-первых, что ни одно общество не бывает совершенным настолько, чтобы их избежать. И, во-вторых, что реконвенциализация может быть применена еще до кризиса, при мягкой стадии противоречий в качестве социальных инноваций, противостоящих социальным катастрофам.

Литература

- Апель К.О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001.
- Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и исток нашего времени. М.: Территория будущего, 2007.
- Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
- Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002.
- Макайвер П.М. Предисловие редакторов издания // Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейя, 2002.
- Новые идеи в социальной философии / Отв. ред. В.Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2006.
- Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб: Алетейя, 2002.
- Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
- Федотова В.Г. Анархия и прядок. М., 2000.
- Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. М., 2000.
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
- Latour B. Gabriel Tard and the End of Social // *The Social in Question: New Beginning in History* / Ed. by P. Joyce. L., 2002.
- Toews D. The New Tard. *Sociology after the End of Social* // *Theory. Culture*. 2003. Vol. 20 (5).
- Wagner P. *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. L.; N.Y.: Polity, 1994.
- Wagner P. *Modernity, Capitalism and Critique*. L., 2007. P. 171.
- Wernik A. From Comte to Baudrillard. *Socio-Theology after the End of the Social* // *Theory, Culture and Society*. 2000. Vol. 17 (6).